

О. Д. КУЗНЕЦОВА

СЛОВА С ПРОТЕТИЧЕСКИМ *Ј* В ГОВОРАХ
РУССКОГО ЯЗЫКА

В самом начале XX в. в заметке из «Истории русского языка» А. И. Соболевский познакомил читателей с явлением, которое до этого специально еще не привлекало внимания исследователей. Он указал на присутствие в песнях Бобровского уезда Воронежской губернии и в некоторых севернорусских песнях слов с протетическим *ј*. А. И. Соболевский, видимо, не сомневался в наличии таких слов в диалектах, а незначительное количество их в других фольклорных и диалектных записях объяснял тем, что эти записи «сделаны менее внимательно»¹. На эту заметку откликнулся Н. Н. Дурново, дополнив сообщение А. И. Соболевского своими материалами из южнорусских песен и из старин А. Д. Григорьева («Архангельские былины и исторические песни», собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг., 1, 3, М., 1904—1910). Наблюдая слова с протетическим *ј* в известных ему говорах преимущественно в песнях и не имея в своем распоряжении других материалов, Н. Н. Дурново пришел к выводу о том, что *ј* не свойствен разговорной диалектной речи. Он появляется при пении из-за специфической потребности устранить зияние, ощущаемое в пении сильнее, чем в обычной речи². Заметкой Н. Дурново начинается традиция изучения слов с протетическим *ј* как явления, характерного для народного песенного языка. С этого времени вопрос о месте указанного явления в системе отдельного диалекта и в истории русских диалектов в целом уже по существу не ставился.

Этому вопросу большую статью посвятил П. Г. Богатырев. Он рассмотрел известные ему случаи йотации начальных гласных в русских песнях и былинах и описал условия, при которых в них появляется *ј*³. Предложенное автором лингвистическое объяснение появления *ј* в пении (для устранения зияния), по замечаниям Р. Якобсона, не подходит для всех случаев йотации гласных, например, в начале песни, в начале стиха и в середине стиха после согласного⁴. Понимая это, П. Г. Богатырев ищет объяснения причин рассматриваемого явления в специфике музыкального произведения и считает необходимым исследовать условия, при которых *ј* появляется в пении.

Обращает на себя внимание тот факт, что автор, специалист по языку фольклора, предостерегает в своей статье от того, «чтобы исследовать одни только отличительные черты песен, не отмечая сходные черты в песне и в разговорном языке»⁵. Эта мысль П. Г. Богатырева о взаимозависимо-

¹ А. И. С о б о л е в с к и й, Из истории русского языка, ЖМНП, 1901, октябрь, ч. СССХХХVII.

² Н. Д у р н о в о, Мелкие заметки по русскому языку, ЖМНП, 1902, июнь, ч. СССХХХXI.

³ П. Г. Б о г а т ы р е в, О языке славянских народных песен в его отношении к диалектной речи, ВЯ, 1962, 3.

⁴ Р. О. Я к о б с о н, О соотношении между песенной и разговорной народной речью, ВЯ, 1962, 3.

⁵ П. Г. Б о г а т ы р е в, указ. соч., стр. 85.

сти языка песен и разговорного языка диалекта представляется особенно важной и конструктивной. Действительно, не кроется ли причина появления йотации в особенностях тех диалектов, на которых поются эти песни? Ведь записи отдельных слов с протетическим *j* в говорах (в обычной речи, не в песнях) известны. Даже Н. Н. Дурново не отрицал наличия отдельных слов с протетическим *j* в современных ему говорах: «Я слышал только кое-где в южновеликорусском (Тул., Ряз., Тамб.) произношение: „в ялтарь“ и, кажется, несколько других единичных случаев в таком роде»⁶.

Существуют свидетельства собирателей и диалектологов конца XIX — начала XX в., слышавших протетический *j* в говорах. М. Г. Халанский, например, при описании курских говоров заметил, что он наблюдал в них два протетических согласных *j* и *в*. По его словам, у саянов «к гласным в начале слов приставляется *й* и *в*: *йотриня*, *ю нас*, *йобвушка*, *востру*, *ванá*», у егунов «*й* изредка облакает начальные гласные: *ялые тьвятъ*; постоянно *ён* вм. *он*»⁷. К. Филатов писал о том, что гласные в воронежских говорах «нередко принимают перед собой призвучный *j*»⁸. Л. И. Пирогова в описании говоров Холмогорского района Архангельской области заметила, что *j* в них появляется «иногда» в начале и середине слова: *из јетово*, *јетто*, *јетот*, *два йетажá*, *двухйетажнй*, *с йизретка*, *јужбй*⁹. По сведениям В. В. Колесова, в пинежских говорах перед *у* является протетический *j* (*южин*, *ютро* и т. п.); в этом же говоре он отметил ряд слов с протетическим *в* (*востры*, *воспой*)¹⁰.

Слова с протетическим *j* можно найти преимущественно в старых диалектных и фольклорных записях¹¹. Крайнюю малочисленность их в современных записях в известной степени можно отчасти объяснить тем установившимся методом описания диалектов, при котором по традиции собираются сведения о главных системных диалектных особенностях, отличающих южнорусские говоры от севернорусских (оканье, аканье, типы яканья и т. п.), а на особенности другого порядка, проявляющиеся в одном или нескольких словах, обычно не обращается внимания. В связи с этим старые диалектные записи, относящиеся ко времени, когда еще только накапливались знания о системах русских диалектов и потому собиратели старались записывать все без исключения замеченные ими диалектные факты, приобретают особую ценность; к тому же они отражают состояние диалектов, еще мало затронутых влиянием литературного языка.

Мы попытаемся показать здесь факты употребления в говорах протетического *j*. Надо сказать, что, кроме отдельных примеров, мы не привлекаем фактов из песен и былин. Такое ограничение объясняется, с одной стороны, тем, что фольклорный материал в достаточной степени был показан А. И. Соболевским и Н. Дурново, позднее И. К. Зайцевой¹² и

⁶ Н. Дурново, указ. соч., стр. 257.

⁷ М. Г. Халанский, Народные говоры Курской губ., Сб. ОРЯС, LXXVI, 5, 1904, стр. 40, 33.

⁸ К. Филатов, Очерк народных говоров Воронежской губернии, РФВ, 1897, 1, 2, стр. 218.

⁹ Л. И. Пирогова, Описание говора шести пунктов Холмогорского района Архангельской области, «Уч. зап. [МГПИ им. В. И. Ленина]», 9, 1959, стр. 189—190.

¹⁰ В. В. Колесов, Функциональная система вокализма в традиционных севернорусских говорах, «Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности. Материалы к межвузовской научной конференции», Череповец, 1970, стр. 16—17.

¹¹ Использованы материалы картотеки Словаря русских народных говоров (Ленинград); сокращения названий районов, областей и т. п. сделаны в соответствии с теми, которые приняты в этом словаре.

¹² И. К. Зайцева, Некоторые фонетические особенности языка русской народной песни, «Филологический сборник», Воронеж, 1961.

П. Г. Богатыревым, а также желанием прежде всего обратить внимание на примеры бытования таких слов в обычной речи диалекта.

Наибольшее количество слов с протетическим *j* заключают в себе диалектные и фольклорные записи В. Н. Добровольского, сделанные им в Смоленской губернии¹³. Здесь отмечены были такие слова, как *явйн* «овин» (*Мужика корьмить, што явин насадить*, 1914), *яднй* «одна», *яднй* «одни» (*Сбалела мяя матка — стали яднй косци*, 1914), *ярлы* (мн. от *орел*), *ясинничек* (в песне): *Висако заря занималася, Выше ельничку — березничку, Вышей горького ясинничку* (1914); *j* в этих словах выступает перед *a* в первом предупредительном слоге. С *j* во втором предупредительном слоге перед *a* записаны слова *ябломить* «обломить», *яблетать* «облетать», *ягонёк* «огонек». В материалах В. Н. Добровольского находим три слова с *j* перед *y*: *юже* «уже», *юж* «уж»: *Ти пупахали вы свае? А юж* (1914); *юзяли* из *узяли* «взяли»: *Да татарушки юзяли яму рученьки звизали* (1914).

Несколько слов с протетическим *j* записано также в соседних со смоленскими и в некоторых других акающих говорах. На Западной Брянщине П. А. Расторгуев записал *ютрeня* «утреня» (*He, я теперь не хожу, и на ютрeне не была*, 1957). Из Брянского уезда Орловской губернии П. Н. Тиханов привел *юзник*, прочитанное им в «не очень давней надписи» в Служебнике 1699 г.: «Сию книгу переплѣтали темничных юзники»¹⁴. В Орловской губ. было записано *юдаль* «удаль, характер» (1860). В говорах Новосильского уезда Тульской губ., близких по типу к смоленским и брянским, отмечено *юшиб* «ушиб» и *ювсе* из *увсе* «все» (1900). В Курской губернии, по свидетельству собирателя Т. И. Вержбицкого, название дерева *осокорь* произошло с *j*: *ясбор* (1893). В д. Выворотково (Бесед. Курск.) в 50—60-х годах XX в. говорили *юхарь*. В донском словаре Миртова приводится *ючинить* «учинить». В ответе на программу МДК из с. Успенского (Касим. Ряз.) имеется *улица* или *юлица* (РФВ, LXXVIII, 1912, стр. 9). Е. Будде записал *юпобеник* (из *уполовник* «половник». Егор., Зарайск., Касим. Ряз., 1892). В акающих же говорах довольно широкое распространение получило слово *юхнуть* в разных значениях: в псковских и осташковских (Твер.) — «ударить» и «пропасть, исчезнуть» (1855), в рязанских — «ударить» (1898). *Юхнуть* в Обоин. Курск. имело значение «отставить, удалить» (*Его юхнули за взятки*. Машкин, 1858), в Малоарх. Орл. — «утонуть, сразу скрыться под воду» (1914). *Юхнул*, *юхнулся* в Новоторж. Твер. — «провалился в воду, в снег» (1915—1926).

Из севернорусских материалов, кроме слов с протетическим *j*, отмеченных в уже упомянутых былинах А. Д. Григорьева, в песнях, а также в значительно большем количестве в былинах Н. Е. Опчукова, можно привести ряд слов, употреблявшихся в повседневном разговоре. Среди них уже знакомое по южнорусским говорам слово *юхнуть*, которое записано в Покр. Влад. со значением «провалиться, упасть» (*Пошел по льду да под него и юхнул*, 1896), а в Кади. Волог. в значениях «выпить разом» (*Он так-таки вдруг и юхнул целой стакан вина*. Дилакторский, 1902) и «проехать очень быстро какое-либо расстояние» (Иваницкий, 1883—1889). Возможно, сюда же относятся приведенные Г. И. Куликовским в олонцком словаре *юкать* (Водлозеро, Кенозеро, Коштуги) «стучать, ударять», иногда в значении «упасть, лишиться чувств от какой-либо неожиданности» (*в сенях юкнуло; юкни-ко хорошенько*) и там же *ехнуть* (За-

¹³ В. Н. Добровольский, Смоленский этнографический сборник, ч. I — «Зап. РГО по отд. этнографии», XX, СПб., 1891, ч. II — «Зап. РГО по отд. этнографии», XXIII, 1, СПб., 1894; ч. III — «Зап. РГО по отд. этнографии», XXIII, 2, 1894; ч. IV — «Зап. РГО по отд. этнографии», XXVII, 1903; е г о ж е, Смоленский областной словарь, Смоленск, 1914.

¹⁴ П. Н. Тиханов, Брянский говор, Сб. ОРЯС XXVI, 4, 1904, стр. 95.

онежье) «содрогнуться от неожиданности» (1898). Слово *южи* от *уж* «змея» зарегистрировано в Белозер. Новг. (1896), а *Юльга* от *Ольга* в д. Катунки (Балахн. Нижегород., 1870). В сборнике сказок Н. Е. Ончукова в сказке (запись А. А. Шахматова) встречаем *юж* «уж»: «Ну, тут юж ёны стали пер водить (пер перовать)» (Петрозав. Олон., стр. 211)¹⁵.

Нельзя не поставить в связь с другими словами с протетическим *j* русские диалектные и белорусские местоимения *ён, яна́, ёна...* Ареал их распространения, по нашим сведениям, в основном совпадает с ареалом распространения слов с протетическим *j*.

Наконец, в говорах имеется некоторое количество слов иноязычного происхождения, получивших *j* на русской почве. Некоторые из них имеют довольно широкое распространение — ср. *ялтарь* (др.-русс. *альтарь*), *ангел* (др.-русс. *ангелль*), *ярмяк* (из татар. *ärtäk*). Уже приводилось свидетельство Н. Н. Дурново относительно слова *ялтарь*, которое он слышал «кое-где» (не в песнях) в Тульской, Рязанской и Тамбовской губерниях. Оно подтверждено еще рядом источников в южнорусских говорах (Лебед. Тамб., Цветков; Задон. Ворон., 1914; Нижнедев. Ворон., 1893; Ворон., 1897) и в Симб. губ. (1859). В рязанских и псковских говорах слово сохранилось до наших дней. Приводится оно в «Псковском словаре» (*В женских наместыри женщины ходят в ялтарь*. Середк. Пск., 1954)¹⁶ и в словаре деулинского говора (*Если девачка/родится/, то поп в ялтáрь ня вносит*)¹⁷. С меной *л* на *н* слово было известно в нижегородских говорах: *ялтáрь* (Семен. Нижегород., 1851; Нижегород. Нижегород., 1852; Княгин. Нижегород., 1905—1924). Слово *ангел* (др.-русс. *ангелль* из греч. *ἄγγελος*) записано было с *j* в смоленских и псковских говорах: *яндиль, янгиль* (Новоржев. Пск., 1904); *Як паслаў жа гасподь бог да двух янгиліў* (Смол., Добровольский, 1890-е годы). Как известно, в украинском языке имеется: *янгол, янголя* «ангелок», *янголятко* «ангелочек», *янгольский* «ангельский» («Укр.-русс. словарь», под ред. И. Н. Кириченко, VI, Киев, 1963). Записи слова *ярмяк* в диалектах многочисленны, особенно на севере: Пенк. Арх., Пудож. Олон., 1852; Примор. Арх., 1939 и Пенк. Арх., 1947 (Архивные матер. 1-го тома Диалектологического атласа, Ленинград); Петрозав., Занеж. Олон., Куликовский, 1885; Бабаев. Волог., Меркурьев, 1967; Кадуйск. Волог., 1956; Ржев. Твер., 1853; Пск., Осташ. Твер., 1855; Пск., 1963; Прибалт., 1963; Мещов. Калуж., 1916; Шацк. Ряз., 1966 и Сиб., 1916.

В ряде западных говоров слово *агрест* «крыжовник» (через польск. *agrest* из итал. *agresto*, Фасмер) отмечено в форме *ягрест, ягрус* и др., например, в русских говорах Прибалтики (1963), *ягрест* в Брянских говорах (Стародуб., 1912; Зап. Брян., 1957; Брян., 1969), *ягрус* в русском говоре с. Ветки в Белоруссии¹⁸. В белорусском и украинском литературном языке это слово употребляется без протезы, а в говорах оно имеет *j* (*ягрест. Гродн., Минск.*¹⁹; *ягрест, ягрист, ягравый, ягристиый*. Могил.²⁰, *ягрест, ягрус* в словарях²¹ И. К. Белькевича и Ф. М. Янковского²¹,

¹⁵ Н. Е. Ончуков, Северные сказки, «Зап. РГО по отд. этнографии», XXXIII, СПб., 1908.

¹⁶ «Псковский областной словарь с историческими данными», вып. 1, Л., 1967.

¹⁷ «Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)», под ред. И. А. Оссоветского, М., 1969.

¹⁸ А. Ф. Манаенкова, Лексика русских говоров Белоруссии, Минск, 1973, стр. 55—56.

¹⁹ Т. В. Сцяжковіч, Матарыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці, Мінск, 1972; «Матарыялы для слоўніка народна-дыялектнай мовы», над рэд. Ф. Янкоўскага, Мінск, 1960, стр. 109.

²⁰ Г. Юрчанка, Дыялекты слоўнік, Мінск, 1966.

²¹ И. К. Белькевич, Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны, Мінск, 1970; Ф. М. Янкоўскі, Дыялекты слоўнік, 1—3, Мінск, 1959—1970.

ягрос у Б. Гринченко ²²). Ареал распространения этих слов больше ареала распространения других слов с протетическим *j*, однако в основной своей части (юго-западные и севернорусские говоры) он совпадает с ним.

Слова с протетическим *j* имеются в украинском и белорусском языках. Как известно, в белорусском языке такой *j* развит перед ударным *и* (*іней*, *іхні*, *іскра*), а в некоторых диалектах — и перед неударным ²³, в местоимениях *ён*, *яна*, *яно*, *яны* и в некоторых других словах. Очевидно, в диалектах протетический *j* получил большее развитие, чем в литературном белорусском. Так, в говорах Славгородчины он встречается и перед *у*: *јуіёду*, *јувујун* (*уюн*), *јубју* «убью» ²⁴. А. А. Шахматов в «Исследованиях в области русской фонетики» привел белорусск. *ягонь*, *ягня* (Бобруйск.) ²⁵. В словаре И. И. Носовича имеется *ютро* в значениях «утро» и «завтра», *ютренняя* «утреня», *ютренняя*, уменьш., *юшійць*, *заюшійць* «бить по ушам, заушать» (*За што ты яго юшійць? За то юшу,— нехай не крадзець; Заюшмі разы тры мене ні за што*) ²⁶. В современном белорусском употребляется *ясакар* «осокорь», *ясакарнік* («Белорусско-русский словарь», под ред. К. Крапивы, М., 1962). В диалектах отмечены: *ясэнка* «женское пальто для весны и осени» (Минско-молод., Гродн.) ²⁷, *ялёнь* «колень», *ялёница*, *ялянючбк* (Гродн.) ²⁸. В украинских говорах находим *якурят* «как раз» (с. Квитки Корсунь-Шевч. р-на и с. Крачковка Будцкого р-на на Черкащине) ²⁹, *ярик* «арык» (Нижнее Поднестровье) ³⁰.

Приведенные факты с достаточной убедительностью свидетельствуют о том, что слова с *j* перед начальными *а*, *о*, *у* в истории русских диалектов представляют собой явление, в определенном отношении напоминающее диалектные слова с протезой *в* (*возеро*, *вутка*, *вумный*).

При изучении слов с протетическим *j* обращает на себя внимание следующее обстоятельство: смоленские говоры, в которых записано наибольшее количество слов с *j*, и говоры мещовские, где А. Косоговым записаны песни с так ярко проявившейся йотацией гласных, имеют специфические сходные черты. Мещовские говоры, например, по сведениям В. И. Чернышева, имели протетический *в* перед *о* и *у*. Протеза в этих говорах являлась и перед неударным *а* (*васá*, *Вадáма*). В то же время начальный *а* имел склонность к отпадению (*горбá* «огород», *гурéц* «огурец» и т. п.). Перед начальным *и* произносился *j* (*јува*, *јустари*, *јудальи* и т. п.) ³¹. Таким образом, мещовские говоры имели тенденцию к прикрытию начальных гласных и не допускали произношения подряд двух гласных. Смоленские говоры, в которых, по материалам В. Н. Добровольского, употреблялись слова с протетическим *j*, отличались такими же характерными особенностями, что и калужские. На фоне произношения большинства слов с протетическим *в*, изменением начального *а* (из *о*) в *и*, отпадением начальных

²² «Словарь української мови», под ред. Б. Д. Гринченко, IV, Київ, 1969.

²³ І. Я. Яшкіна, Фанетичны асаблівасці гаворак Слаўгарадчыны, «Беларускі лінгвістычны зборнік», Мінск, 1966, стр. 90—91.

²⁴ Там же, стр. 91.

²⁵ А. А. Шахматов, Исследования в области русской фонетики, Варшава, 1893, стр. 285.

²⁶ И. И. Носович, Словарь белорусского наречия, СПб., 1870.

²⁷ «Матэрыялы для слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак», пад рэд. М. А. Жыдовіч, Мінск, 1970; Т. Ф. Сцяшкова, указ. соч.; П. Сцяцко, Дыялекты слоўнік, Мінск, 1970.

²⁸ Т. Ф. Сцяшкова, указ. соч.

²⁹ П. С. Лисенко, Словник специфічної лексики правобережної Черкащини, «Лексикографічний бюлетень», VI, Київ, 1958, стр. 21.

³⁰ Й. О. Дзвездзелівський, Словник специфічної лексики говірок Нижнього Подністров'я, там же, стр. 54.

³¹ «Матеріалы для изучения говора и быта Мещовского уезда», сообщил В. Чернышев, Сб. ОРЯС. LXX, 7, 1901, стр. 153.

гласных встречаются отдельные слова (главным образом, с ударением не на первом слого), где начальный *a* (на месте *a* и *o*) прикрыт йотом.

На севере, в тех местах, где записаны былины с йотацией гласных, говоры сохраняют архаические черты. По свидетельству Г. Я. Симиной, говоры на Пинеге, например, отличаются слабой редукцией безударных гласных, наличием второго полногласия (*верёх, молонья* и др.)³². В архивных материалах первого тома Диалектологического Атласа (Ленинград) приставки и предлоги *с, к, в* встречаем с гласной: *Состянул-то да сломил со правой руценьки Золото да колецько* (с. Пушлахта Онеж. Арх., 1940), *Сошила вот из кожи просто. Хто во чём сумиёт. Где она соходит?* (д. Оксово Плесец. Арх., 1948) и т. п. Эти специфические особенности диалектов объясняются наличием в русском языке общей тенденции возражающей звучности слога³³. В некоторых говорах указанная тенденция проявляется более отчетливо и дает о себе знать различными явлениями: отпадением начальных гласных, прикрытием их протезами и др. Очевидно, в песнях действие указанной тенденции более ощутимо³⁴, и потому там видим более частое прикрытие начальных гласных протезой *j* — явление, которое в некоторых местах обратилось в своеобразную песенную манеру.

По многим признакам слова с протетическим *j* представляют собой явление позднего происхождения. Примеры, известные из памятников, — все не раньше XV в. Н. Н. Дурново, например, привел *Анаданъ*, соответствующее *Анадан*, и *во Аливскую* (Аливскую) *землю* из повести об Акире XV в.³⁵ А. А. Шахматов в грамоте до 1491 г. (АЮр. № 7) местоимение *си* предлагал читать как *ён*. Он писал, что в позднейших памятниках можно найти *йон* (в Ряз. гр. 1677, Пискунов, стр. 112)³⁶. М. Карпинский в «Западно-русской четье 1489 г.» отметил *юже, вжице* «веревка, гуж» (*и оуидѣли его старци повивша южем власнымъ*)³⁷. Наличие *j* перед *a* (из *o*) и перед *o* говорит о том, что *j* мог появиться только после возникновения таких явлений, как аканье и переход *e* в *o*. О позднем происхождении протезы свидетельствуют и другие факты: наличие *j* в поздних заимствованиях, таких как *ялый* (по Фасмеру с XIV в.), *ярмяк* (по Фасмеру с конца XVI в.); *j* в словах, претерпевших трансформацию на русской диалектной почве, например, в слове *ёже*, являющемся северной диалектной разновидностью литературного *уже* (пример из сборника печорских былин Н. Е. Ончукова) или в смоленском *юзали* из *узали* «взяли»; *j* в словах *юдова, юдовушка, ювсе*, где *y* на месте *e* и *u*.

³² Г. Я. С и м и н а, Пинежье. Очерки по морфологии пинежского говора, Л., 1970, стр. 13.

³³ На наличие такой тенденции указывают экспериментальные исследования ленинградских фонологов. См.: Л. В. Б о н д а р к о, Структура слога и характеристика фонем, ВЯ, 1967, 1; Л. В. Б о н д а р к о, Л. П. П а в л о в а, О фонетических критериях при определении места слоговой границы, «Русский язык за рубежом», 1967, 4.

³⁴ Любопытно в этом отношении мнение музыканта Л. Сабанеева. Говоря об отличиях музыки от речи, он пишет: «В самом „звучном“ звуке живой речи нет той ясности, той напряженности звучания, как в самом тихом „рр“ музыкального „летнего“ звука. Самый тембр речевого звучного звука отличается от звука той же высоты и силы, по петого, он жиже, неопределеннее по тембру, он, если так можно выразиться, обычно несколько „небрежнее“ по своему облику» (Л. С а б а н е е в, Музыка речи. Эстетическое исследование, М., 1923, стр. 62).

³⁵ Н. Н. Д у р н о в о, указ. соч., стр. 257.

³⁶ А. А. Ш а х м а т о в, указ. соч., стр. 56.

³⁷ М. К а р п и н с к и й, Загадно-русская четья 1489 г., РФВ, XXI, 1889, Варшава, стр. 84.